

Е. П. Жиганова (Минск, Беларусь)

КАТЕГОРИЯ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНАТОЛИЯ АВРУТИНА

Окказиональная лексика зачастую является обязательным компонентом поэтических текстов, написанных в переломные исторические моменты, когда привычной, традиционной (узуальной) лексики недостаточно для выражения новых идей и переживаний. В этом смысле не является исключением и поэтический дискурс белорусского русскоязычного автора Анатолия Аврутина.

В данной статье под понятием окказионализм мы будем иметь в виду дефиницию, предложенную В.Д. Стариченком, который определил его как «индивидуально-стилистические, авторские новообразования, использующиеся только в условиях определенного контекста (чаще в языке отдельных писателей)» [2, с. 378].

Наряду с собственно окказионализмами в поэтическом дискурсе авторов часто можно столкнуться с окказиональными значениями, «выявляемыми в речи авторов художественных произведений, сфера употребления которых ограничивается конкретными произведениями художественной литературы» [2, с. 379].

Причины, побуждающие авторов использовать в поэтической речи лексические новообразования, весьма разнообразны. Среди них можно выделить следующие:

- необходимость точно выразить собственную мысль при недостаточности узуальной лексики;
- желание кратко выразить мысль, заменив окказионализмом словосочетание или предложение;
- посредством окказионализма дать оценку предмету речи;
- необходимость избежать языковых повторов;
- желание посредством окказионализма деавтоматизировать восприятие привычного понятия;
- необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму и пр.

Проанализируем причины появления окказиональной лексики и ее значения в поэтическом дискурсе Анатолия Аврутина на материале книги поэзии «Наедине с молчанием».

Среди использованных поэтом окказиональных слов большую часть составляют имена существительные (23). Кроме этого, в текстах используется 12 окказиональных прилагательных, 10 наречий, 5 глаголов и глагольных форм. В данной статье мы остановимся на анализе существительных, которые составляют основную часть окказиональной лексики поэтического дискурса Анатолия Аврутина.

Так, существительные «сомолчальник, сопечальник, совдыхатель, сочудак» [1, с. 42] позволяют автору выразить сопричастность его лирического героя другому человеку, выразить ощущение близости и понимания по отношению к другу.

Достаточно часто (4 раза) в поэтическом контексте Анатолия Аврутина встречается окказионализм *роздымь*: «Синяя *роздымь* небес» [1, с. 46], «Над бедой и *роздымью* воздета // Тополей раздумчивая вязь» [1, с. 51], «Лишь бы птицы кружили в *роздыми*» [1, с. 54], «Мне хотелось кричать сквозь холодную *роздымь*» [1, с. 84]. Данное слово помогает поэту в краткой форме воссоздать описание ночного непрозрачного (подернутого туманом) неба, при этом слово несет на себе и эмотивную нагрузку – грусть, тоска, одиночество.

Представлены в поэтическом дискурсе Анатолия Аврутина и сложные существительные, позволяющие автору лаконично, но полно воссоздать поэтический образ: «В холодном июне // Ветвей *семиструнье*» [1, с. 101] (образ

ветвистого дерева, ветки которого дрожат, тем самым издавая звуки, подобно семиструнной гитаре); «Рукопожатье... *Духопожатье...*» [1, с. 130] (создавая слово по аналогии с предшествующим, автор подчеркивает сближение двух людей в момент рукопожатия); «Последней тени *многолистье*» [1, с. 139] (создавая образ увядающей осенью природы, автору с помощью окказионализма удается подчеркнуть контрастность образа – своеобразную единственность, неповторимость множества); «Так сходит лезвие на нет // *Двуострость* стали подтверждая...» [1, с. 145] (парафраз клинка, заточенного с двух сторон); «Простужено гудит *серопогодые*» [1, с. 201] (с помощью включения в метафору окказионализм усиливает значение «плохая погода, сопровождающаяся шумящим дождем, вызывающая болезни»), «Но поди, в таком *землевращенье*, // Продержись, идей осиян» [1, с. 176] (окказионализм представляет собой своеобразную метафору, реализующую идею быстрого изменения жизни и жизненных реалий).

Лексические окказионализмы, созданные по типу абстрактных существительных, дают возможность автору выразить самые тонкие и проникновенные мысли и чувства, чтобы создать законченный художественный образ. Например, образ «соленой *утренности* губ» [1, с. 66] вводит читателя в контекст любовных взаимоотношений лирического героя и позволяет прочесть короткую историю взаимоотношений; поэтический образ «понурого *законья*» [1, с. 80] позволяет представить читателю картину, воспринятую лирическим героем, который заглянул издали в чужие окна и ощутил тоску и уныние от увиденного; антитеза «кожею *бескожесть* ощутить» [1, с. 91] придает лирической ситуации особую напряженность, обусловленную контекстуальным значением окказионализма – острая чувствительность, восприимчивость.

Использование окказионализмов, образованных по одной модели, в стихотворении «*Безлюбье...*» [1, с. 173] является краеугольным камнем всего произведения – в нем 6 авторских лексических новообразований:

Безлюбье... Тоски одинокой *беззубье*.
Шального оркестра немое *беструбье*...
Гудят и срываются в пропасть октавы,
Безлюбые губы не правы, не правы.
Им воздуха – много, им ветра – не надо,
Им хватит пустого безбрового взгляда. <...>
Что плачут в ночи безголосые трубы
О том, что *беззубы*, о том, что *безлюбы*.... [1, с. 173]

Создавая окказионализмы с помощью аффикса без- (с-), указывающего на отсутствие чего-либо, автору удается реализовать образ взаимоотношений лирического героя с женщиной, между которыми уже нет любви, о чем герой сожалеет.

Интересно использование окказионализма «*битие*», образованного от глагола бить, по аналогии со словом бытие: «Где избитость видна сквозь движенья – // *Битие*, мол, и есть Бытие» [1, с. 111]. Посредством этого

художественного образа воплощается тема творчества и поэта, сущность жизни которого («бытие») быть битым, брести по миру и искать истину.

Также обращает на себя внимание лексическое новообразование «*распах*», с помощью которого реализуется особый хронотоп лирического текста:

Я гляжу на вселенский *распах*.
Грудь запавшая дышит убого.
И возносятся пепел и прах –
Выше Бога... [1, с. 208].

Данное существительное указывает на открытость пространства, его возвышенность и неограниченность, что дает возможность лирическому герою ощутить свое превосходство над Богом, несмотря на забытость, заброшенность и тяжелый безрадостный жизненный путь, исполненный тоскливого и упорного труда.

Однако такое превосходство над Богом аврутинский лирический герой испытывает недолго, поскольку, как поэт пишет в стихотворении «Вновь пузырится звук...» [1, с. 232], «Человек – это только чуть теплый *предпрах*, // Что сопит на ходу». Называя человека несдучевленным существительным «*предпрах*», автор указывает на бренность человеческой жизни, результатом которой становится не мгновенное по меркам вечности его существование, а тот культурный опыт и достояние, которые остаются после его смерти.

Таким образом, обращает на себя внимание большой объем окказиональной лексики в поэтических текстах Анатолия Аврутина. Это можно объяснить тем, что именно небольшие по объему поэтические тексты требуют от автора особого лексического отбора для выражения самых глубинных и потаенных смыслов, идей, чувств, эмоций, личных переживаний, для которых как нельзя лучше подходит окказиональная лексика.

1. Аврутин, А.Ю. Наедине с молчанием : книга поэзии / Анатолий Аврутин ; предисл. А. Андреева. – Мичурин : Маст. лит., 2007. – 303 с.

2. Стариченко, В.Д. Большой лингвистический словарь / В.Д. Стариченко. – Ростов-н / Дону : Феникс, 2008. – 811 с.